КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1-го ноября. № 21. 1866 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

МОЯ ИСПОВѢДЬ.

Въ послѣднее время въ нашей мѣстной журналистикѣ появились статьи о присоединеніи изъ католичества къ православію въ сѣверо-западномъ краѣ; между прочимъ напечатана была статья въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“ князя Друцкаго-Любецкаго, перепечатанная въ 108 № „Кіевлянина“, въ которой авторъ чистосердечно излагаетъ мотивы, побудившія его возвратиться къ вѣрѣ предковъ. Принадлежа также къ числу лицъ, присоединившихся изъ католичества къ православной церкви, я рѣшаюсь заявить такъ же profession de foi въ этомъ важномъ дѣлѣ,—не потому, чтобы я считалъ свою личность чѣмъ то особеннымъ, а потому, что я коренной полякъ по рожденію, и пока пришелъ къ тѣмъ положительнымъ даннымъ, которыя не дозволяли мнѣ, не противурѣча долгу чести и убѣжденію, оставаться далѣе въ католичествѣ, я перешелъ всѣ фазы отъ фанатика—поляка и католика до вѣрноподданнаго русской державы и пра-

вославнаго. Эти фазисы—жизнь,—и потому здѣсь я намѣренъ разсказать вкратцѣ исторію моей жизни.—Изъ этого разсказа читатели увидятъ, какъ трудно католику и поляку перейти по убѣжденію въ лагерь граждан русской державы и отъ папизма къ православію—какъ для того необходимо пересоздать весь духовный организмъ католика—поляка, нужно стеченія многихъ счастливыхъ обстоятельствъ, если выразиться, какъ можно выразиться публицисту, и особенной Божіей благодати, если сказать такъ, какъ слѣдуетъ христіанину.

Я родился въ царствѣ польскомъ, въ г. Піотрковѣ, когда то извѣстномъ своими сеймами, въ центрѣ польской народности, въ семьѣ, которая всегда была польскою по народности и убѣжденію, католическою по вѣрѣ, а потому принципы, которыя я могъ вынести изъ первоначальнаго воспитанія, были польскіе и католическіе.

Въ домѣ нашемъ бывали ксендзы: одинъ изъ нихъ ректоръ пьярскій, пользовался особеннымъ уваженіемъ. Меня съ раннихъ лѣтъ учили догматамъ религіи, и я до поступленія въ гимназію не только зналъ хорошо краткій католическій катехизисъ, но, прочитавъ нѣсколько разъ исторію вѣтхаго и новаго завѣта, сочиненіе ксендза Вуйка, я усвоилъ себѣ это сочиненіе до такой степени что по требованію могъ разсказать любое мѣсто изъ священнаго писанія. Въ первомъ классѣ гимназіи, законоучитель, католическій священникъ, зная о моихъ познаніяхъ изъ священнаго писанія, часто заставлялъ меня разсказывать въ классѣ эпизоды стараго или новаго завѣта.

Относительно политическихъ и народныхъ убѣжденію, воспитаніе мое тоже не было забыто: я еще не,

умѣлъ читать, а уже на изъустъ зналъ „историческія пѣсни“ Нѣмцевича, которыя еще до сихъ поръ остались въ моей памяти; дома часто говорили о Костюшкѣ, о Наполеонѣ, объ Іосифѣ Понятовскомъ, разсказывали о революціи 1831-го года, но всегда съ тѣмъ предостереженіемъ, адресованнымъ къ дѣтямъ, не говорить слышаннаго предъ прислугою и посторонними. Но осторожность относительно прислуги была лишняя, ибо она была чисто польская и фанатически-католическая. Въ числѣ ея былъ въ домѣ нашемъ лакей, бывшій унтеръ-офицеръ польскихъ уланъ 1831-го года, который каждый разъ, какъ приходилось ему провожать меня на прогулку или въ купальню, разсказывалъ свои никогда не оконченныя исторіи о революціи 1831-го года, о Скржинецкомъ и Хлопицкомъ, а иногда и о томъ, что слышалъ онъ отъ другихъ о Наполеонѣ о Само—Сьерра и т. д.

Всѣ эти разсказы сильно дѣйствовали на молодое воображеніе, и я, хотя мнѣ никогда не говорили прямо объ отвращеніи къ москалямъ, ненавидѣлъ ихъ въ двѣнадцатилѣтнемъ возрастѣ, точно также, какъ еврейскій мальчуганъ ненавидитъ своего сверстника христіанина, хотя онъ еще не знаетъ талмуда и едва усвоилъ себѣ его азбуку.

Политическій польскій талмудизмъ вникалъ въ наши души съ ранняго возраста, а гимназическій курсъ (во время котораго если чему научили насъ, то развѣ, латинскому языку) не уничтожалъ, а развивалъ въ насъ это талмудическое направленіе.

Въ польскихъ гимназіяхъ моихъ временъ всѣ предметы, за исключеніемъ закона Божія и польской словесности, преподавались на русскомъ языкѣ; всеобщей исторіи насъ учили по учебнику Смарагдова, польской

исторіи на русскомъ языкѣ по Павлищеву. Я нарочно вспомнилъ объ исторіи, ибо по поводу ея изученія, я въ первый разъ услышалъ наставленіе въ духѣ католицизма и валенродизма.

Разъ, когда я читалъ вслухъ исторію реформаціи по Смарагдову, мой родственникъ, человѣкъ уже пожилой и слабо понимавшій по русски, сталъ со вниманіемъ вслушиваться въ мое чтеніе, и предложилъ мнѣ перевести для него прочитанное на польскій языкъ письменно—что я и исполнилъ. Нѣсколько дней спустя мнѣ сказали, что хотя и нужно учить то, что задаютъ въ классѣ, но нужно знать, что Лютеръ былъ ни болѣе ни менѣе какъ обманщикъ, а папы не были никогда такими, какими изображаетъ ихъ русскій историкъ, ибо онъ какъ схизматикъ не знаетъ дѣла; порицать же папу и католицизмъ—тяжкій грѣхъ католику.

Слова эти и тогда показались мнѣ странными, но идея запала въ душу и съ тѣхъ поръ мало по малу русскія книги не имѣли для меня интереса, русскому языку я учился если не съ отвращеніемъ, то настолько, на сколько это было необходимо. И дѣйствительно, послѣ окончанія гимназіи и пріѣхавши уже въ кіевскій университетъ, я во время подачи прошенія о принятіи меня въ университетъ, не сумѣлъ объясниться на русскомъ языкѣ съ попечителемъ; за то, кончивши гимназію, я зналъ на изустъ „Конрада Валенрода“ и „Дзяды“ Мицкевича,—а въ университетѣ я успѣлъ познакомиться и съ произведеніями эмиграціи.

Во время пребыванія моего въ кіевскомъ университетѣ, я долго еще оставался католикомъ—полякомъ, и на равнѣ съ другими участвовалъ въ гминахъ, въ кнайпахъ и дуэляхъ.—Но самостоятельный другъ надъ на-

укою, мало по малу позволилъ мнѣ выработать въ себѣ принципы совершенно противуположные тѣмъ, которымъ вѣрила и за которыми слѣдовала польская университетская молодежь. Между прочимъ я убѣдился и высказывалъ откровенно, что цѣль университетскаго воспитанника *учиться*, а не *спасать отечество*, какъ однимъ хоромъ твердили на собраніяхъ.

Со мною спорили и наконецъ оставили въ покоѣ, а я, находя, что мои личныя убѣжденія болѣе и болѣе расходятся съ убѣжденіями массы, началъ чаще задавать себѣ вопросы относительно явленій общественной жизни окружающей меня среды, и сталъ добиваться истины аналитическимъ путемъ изслѣдованія.

Я дѣлался пессимистомъ и чѣмъ болѣе убѣждался, что мысли польской массы, относительно политическихъ и историческихъ принциповъ, невѣрны, тѣмъ болѣе пріобрѣтали для меня значеніе собственные мои выводы.

Шляхтичемъ по убѣжденію я никогда не былъ, да и вообще въ царствѣ, въ мои времена, сильно вѣялъ демократическій вѣтеръ съ запада, а съ 1846-го года аристократизмъ совсѣмъ палъ въ царствѣ и въ общественномъ мнѣніи. Въ Кіевѣ потому я въ первый разъ столкнулся съ польскимъ шляхетскимъ элементомъ en pure, который именно здѣсь сохранилъ свои обвѣтшалые формы, старинное невѣжество и предразсудки: здѣсь я въ первый разъ услыхалъ изъ устъ живаго человѣка, что въ крестьянинѣ течетъ другая кровь, чѣмъ въ шляхтичѣ. Въ царствѣ польскомъ отношенія помѣщика къ крестьянину были болѣе сносныя, барщину облагораживала какая то лучшая, болѣе гуманная форма, и потому мнѣ показалось, что существуетъ рѣзкое отличіе между здѣш-

нимъ польскимъ элементомъ и элементомъ кореннымъ.— Я не могъ относиться къ здѣшнимъ съ симпатіей, и еще въ 1860 году въ корреспонденціяхъ моихъ въ „польскую газету“ я мотивировалъ свой взглядъ на населеніе югозападной Россіи, въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Что здѣшній польскій землевладѣльческій элементъ—отсталый и невѣжественный, который живетъ еще какъ въ благія времена Августовъ, угнетаетъ крестьянъ, кормитъ при себѣ десятки блюдолизовъ и не только не хочетъ, но и не можетъ принести никакой пользы для польской народности.

2) Что университетская молодежъ не занимается вовсе наукою, а живетъ какою то утопическою мыслію автономическаго самоуправленія, теряя напрасно время на пустяки, и что впослѣдствіи, послѣ выхода изъ университета, молодежъ эта, правда поздно, будетъ жалѣть о напрасно потерянномъ времени.

3) Что польская литература этого края носитъ на себѣ спекулятивный отпечатокъ; дѣятели ея, за малымъ исключеніемъ, очень поверхностны, и даже не знаютъ хорошо польскаго языка.

Въ здѣшнемъ католицизмѣ я находилъ тоже рѣзкія разницы съ тѣмъ, каковъ онъ въ царствѣ польскомъ. Хотя въ польшѣ и былъ развитъ религіозный фанатизмъ, но тамъ не было этаго езуитскаго оттѣнка въ обожаніи ксендзовъ, пользующихся не совсѣмъ завидной репутаціей, въ этомъ ханжествѣ развитомъ до крайности и умѣюшемъ въ религіи видѣть только одну форму, оставляя въ сторонѣ существо дѣла.

Мои литературныя труды, мои иногда рѣзкія слова на гминахъ, пріобрѣтали мнѣ много враговъ; хотя я и пользовался нѣкоторое время большою популярностію въ

университетѣ. Видя однако, что броженіе умовъ начинаетъ принимать размѣры слишкомъ безтолковые, и что я не въ силахъ бороться съ ними, я наконецъ бросилъ всѣхъ университетскихъ знакомыхъ и въ теченіе болѣе года жилъ одиноко, не зная и не желая знать, что дѣлаетъ молодое поколѣніе.

Когда польское общественное мнѣніе начало бросать грязью на изслѣдованія кіевской археографической коммисіи, я началъ изучать польскихъ писателей трудящихся надъ исторіею югозападной Россіи, но когда все, что я успѣлъ прочитать, не достаточно убѣждало меня въ истинѣ, а общественная молва начала заподозривать членовъ археографической коммисіи въ подлогѣ историческихъ документовъ, я постарался познакомиться съ главными ея дѣятелями и началъ самъ заниматься разработкою матеріаловъ центральнаго архива. Тутъ я окончательно убѣдился во лжи и невѣжествѣ обвинителей, и началъ открытый съ ними споръ.

Поднялся шумъ... одни прямо ругали меня въ журналахъ, другіе вѣжливо замѣчали, что я какъ полякъ не долженъ писать во вредъ польской націи, иные еще поднимались и на доносы. Все это неуспѣло поколебать моего направленія, и я остался ему вѣренъ.

Находясь на государственной службѣ, я тоже постоянно слышалъ упреки противъ высказываемыхъ мною мыслей, какъ въ средѣ моихъ сослуживцевъ, такъ и въ средѣ помѣщиковъ, съ которыми я по обязанностямъ службы сталкивался. Нѣкоторые прямо спрашивали меня, какимъ образомъ я-полякъ и католикъ могу говорить и писать, такъ какъ я говорю и пишу?

Я отвѣчалъ, что я дѣйствую по убѣжденію, что стараюсь доказать, что можно оставаясь полякомъ и ка-

толикомъ быть человѣкомъ, а не революціонеромъ и езуитомъ... но я заблуждался.

Два года тому назадъ я пріѣхалъ въ Кіевъ и началъ писать много о польскомъ вопросѣ въ мѣстной газетѣ, пока недождался, что краковскій „часъ“ написалъ обо мнѣ: „по лѣстницѣ соціализма и хлопоманства, онъ дошелъ до москвитизма и отчужденія отъ польской народности“.

Я опять отвѣчалъ самъ себѣ своей обыкновенной фразой: „Я не езуитъ и не революціонеръ, но я полякъ и католикъ... но тутъ я остановился и началъ разсуждать: правду-ли я сказалъ?

Какой я католикъ?... я-который въ теченіи болѣе шести лѣтъ не соблюдалъ ни одного обряда католической церкви, который считаю самой отсталой, самой вредной идеею папизма... который публично защищаю права православія и порицаю унію?... Что же я такое? есть ли я человѣкъ безъ религіи-нигилистъ, атей...? нѣтъ! нѣтъ!... жизнь еще не научила меня не вѣрить въ ничто... вѣра у меня осталась, и истины евангелія понятны и живы для меня!... Я не принадлежалъ къ числу тѣхъ, для которыхъ догматы религіи остаются дѣломъ второстепеннымъ, которые, заучивъ катихизисъ въ гимназіяхъ, стараются скорѣе позабыть его. Я зналъ догматы и католичества и православія, и вотъ что замѣтилъ я при сравненіи ученія обоихъ церквей, и чему научили меня не русскіе—православные, а польскіе католическіе писатели:

Папа есть главный символъ католической вѣры, его непогрѣшность считается болѣе важнымъ догматомъ чѣмъ другіе, его называютъ Богомъ на землѣ, властителемъ вселенной. Одинъ изъ французскихъ лѣтописцевъ XV

столѣтія, говоря о власти Папы выражается: „какъ есть только одинъ Богъ на небесахъ, такъ и на землѣ можетъ быть и долженъ только одинъ богъ—наслѣдникъ св. Петра“.

Не вѣрить въ папу значитъ не быть католикомъ. Я зналъ изъ исторіи флорентійскаго собора и изъ исторіи брестской уніи, что разница въ догматѣ о происхожденіи св. Духа была въ разсужденіи соединенія церквей второстепеннымъ вопросомъ, и положено было признать: *что какъ католики такъ и уніяты вѣрятъ хорошо, только еще до сихъ поръ не разрѣшили взаимныхъ недоразумѣній;* это признано было потому, что признавъ вѣру въ непогрѣшность папы, они повѣрятъ во все, во что прикажетъ вѣрить папа. А какъ унія придерживалась во всѣхъ отношеніяхъ, и въ обрядахъ, и догматахъ, чистаго ученія православной церкви, съ прибавкою только вѣры въ папу, то ясно, что католикъ—славянинъ отрицающій власть папы (если онъ христіанинъ) есть чистый православный.

Ученіе о чистилищѣ бросаетъ намъ въ глаза индульгенціи — богопротивное попрошайничество — безчестную взятку во имя религіи, исторгаемую изъ рукъ фанатика, обогащающую Римъ и вызвавшую на сцену Лютера, Кальвина и проч. Безбрачіе духовенства, изобрѣтеніе слишкомъ позднее, и, чтобы признать его нормальнымъ, нужно не имѣть никакихъ познаній въ самой элементарной физіологіи; а вѣрить въ чистоту жизни безбрачнаго бѣлаго католическаго духовенства, можетъ лишь тотъ, кто никогда не сближался въ домашнемъ кругу съ католическимъ ксендзомъ.

Не вѣрить въ папу, въ его непогрѣшность, даже оспаривать его свѣтскую власть значитъ тоже, что не быть католикомъ и лишиться спасенія души въ будущей

жизни, какъ объявилъ Бонифатій VIII говоря: „Всякая человѣческая тварь подвластна римскому папѣ, не вѣрующій въ это не можетъ спасти своей души.“

Что я не могъ вѣрить въ непогрѣшность папы, объ этомъ, кажется, нечего и говорить; за то ручается мое умственное развитіе: я не вѣрилъ въ свѣтскую власть папы такъ, какъ не вѣрятъ въ нее его собственные подданные, духовную же непогрѣшность я отрицалъ такъ, какъ здравый мой разумъ отрицалъ святость Іосафата Кунцевича, котораго собственноручныя письма я читалъ въ подлинникѣ и зналъ эту фанатическую личность, руководившуюся езуитскими правами въ идеѣ, звѣрскими инстинктами на дѣлѣ.

Инквизиціонные костры, и пытки, варѳоломеевская ночь, хмѣльнитщина и коліивщина—вотъ ягоды католицизма, проводимаго въ дѣло.

Я вѣрю, я знаю, я убѣжденъ, что во всемъ католическомъ мірѣ нѣтъ ни одного образованнаго человѣка, который, будучи по имени католикомъ, оставался бы имъ по убѣжденію: всѣ они отрицаютъ папу, а за симъ и догматы религіи для нихъ потеряли свое значеніе, и потому то въ наше время въ Европѣ мы видимъ печальныя явленія отрицанія, атеизма въ формахъ философскихъ ученій Ренана и его школы. Но положимъ, что для нѣмца философскій пародоксъ въ состояніи наполнить всю религіозную потребность души; что поверхностный умъ француза одновременно можетъ аплодировать Ренану и идти на исповѣдь къ езуиту; душѣ славянина нужно другаго, нужно для разумной его души другой пищи—пищи религіозной вѣры безъ эффектовъ, но вѣры чистой—христіанской. Такую вѣру исповѣдуетъ православная церковь, которая еще тѣмъ ближе къ

намъ славянамъ, что ея богослуженіе производится на языкѣ нашихъ предковъ, ея управленіе въ рукахъ не итальянца, а св. Сѵнода, совѣта нашихъ славянскихъ епископовъ, который не измѣняетъ догматовъ, а сохраняетъ свято первобытныя христіанскія истины евангелія.

Мы, славяне, счастливы тѣмъ, что намъ не нужно, отрицая католицизмъ, прибѣгать къ лютеранизму или же философскимъ ученіямъ, которыя не даютъ ничего, кромѣ пустоты и отчаянія въ душѣ. Мы имѣемъ свою церковь, и чтобы не признать ея превосходства, намъ нужно не быть славянами. Езуиты въ Россіи при Павлѣ и Александрѣ I-мъ могли увлекать изъ православія въ католичество только тѣхъ, которые не понимали ни русской рѣчи, ни народнаго духа.

Такимъ образомъ я думалъ часто, и въ душѣ давно перестал быть католикомъ.... И чтоже удерживаетъ меня отказаться отъ пустаго титула католика?—спрашивалъ я себя, и во всѣхъ возраженіяхъ, которыя я могъ сдѣлать себѣ въ это время, было только одно: что скажетъ общественное мнѣніе, которое въ наше время такъ склонно еще заблуждаться, и часто видитъ въ присоединеніи къ православію одни матеріальные расчеты.

Опять прошло довольно много времени, и я опять сталъ задавать себѣ другіе вопросы:

Обстоятельства мои сложились такъ, что я, по всей вѣроятности, долженъ буду жить на русской землѣ; могу—ли я быть дѣйствительнымъ гражданиномъ этой земли, оставаясь католикомъ?... Дѣти мои, рожденные на этой землѣ, почему должны оставаться здѣсь пришельцами, когда они здѣшніе—природные, когда я даже не стараюсь

учить ихъ по—польски?..! Прошло однако же и послѣ этихъ вопросовъ еще довольно долгое время, и я не рѣшался не только сдѣлать этотъ рѣшительный шагъ, но даже заговорить объ этомъ съ другими.... Я опять думалъ—раздумывалъ, опять началъ читать исторію уніи, пересматривать собственныя записки, статьи, и занялся изученіемъ догматовъ и обрядовъ православной церкви... Наконецъ, я рѣшился заговорить о своемъ намѣреніи съ тѣми, которые знали меня и которыхъ мнѣніе я уважалъ. Мнѣ сказали откровенно: что я давно долженъ былъ принять православіе, что моя нерѣшимость относительно окончательнаго разрыва съ папизмомъ, даже можетъ бросать тѣнь на искренность заявляемыхъ мною убѣжденій...

Я присоединился къ православію, послѣ долгой борьбы съ самимъ собою, и послѣ этого акта, который совершился тихо, безъ торжественной остановки, я чувствую, что я сдѣлалъ хорошо, сдѣлалъ то, что долженъ былъ сдѣлать давно.—И всѣмъ полякамъ, для того, чтобы избавить отъ истлѣнія остатки своего народнаго организма, нужно покончить разъ на всегда съ германскимъ католицизмомъ, привитымъ къ нему первыми началами цивилизаціи, и отдѣлившимъ всю націю и государство отъ великой семьи!.... Дѣло трудное-я самъ то знаю, но такое, что оно необходимо для того, чтобы, сбросивши съ себя езуитскій саванъ мертвецовъ, воскреснуть для общей славянской жизни, какъ сыновьямъ народной русской церкви, бывшей когда-то и церковію нашихъ предковъ временъ первыхъ Болеславовъ.

Повѣрятъ—ли намъ, что мы дѣлаемъ это поубѣжденію?! Это вопросъ, который разрѣшитъ наша дальнѣйшая жизнь

и послѣднее ея слово—наша смерть.—Но то вѣрно, что повѣрять нашимъ дѣтямъ, которымъ въ замѣнъ скитальнической революціонной жизни—коварства, лжи и обмана, талмудизма эмиграціи, езуитской интриги, пустоты душевной, и хохота европейскихъ дипломатовъ, мы завѣщаемъ права гражданства, народности, человѣческой честности, и религіозныя убѣжденія.

А. Горжалчинскій.

ОСВЯЩЕНІЕ ХРАМА ВЪ С. ЕЛИСАВЕТКѢ.

С. Елисаветка находится въ звенигород. уѣздѣ, на самой границѣ херсонской губерніи. Состоитъ оно, по штату, въ 7 классѣ, съ малочисленнымъ и небогатымъ населеніемъ; почему и храмъ его издавна оставался ветхимъ, тѣснымъ и убогимъ; а народное образованіе представляло весьма не надежную жатву.

Въ такомъ положеніи засталъ этотъ приходъ и настоящій его священникъ о. Пор. Янс. Пастырской дѣятельности его предстояли трудности очевидно-неодолимыя, позволявшія думать о самомъ скромномъ осуществленіи цѣлей призванія. Но помощь Божія, сильная воля и благоразуміе здѣсь устроили изъ невозможнаго возможное. Около двухъ лѣтъ уже въ с. Елисаветкѣ красуется училищное зданіе—прочное, изящное и богатое, стоющее до трехъ тысячь руб. сереб.—Своимъ бытіемъ оно обязано благородному соревнованію къ общественнымъ интересамъ—бывшаго директора сосѣдняго, сахарнаго завода Н. Я. Сетгофера. Его посѣщаютъ дѣти не только мѣстныхъ жителей, но и сосѣднихъ деревень—разнаго сословія; преподаваніе въ немъ производится поразширенной программѣ и усовершенствованнымъ методамъ; такъ же—образованъ хоръ пѣвчихъ, весьма удовлетворительно обученныхъ стройному, партесному пѣнію по нотамъ.

Сказанный священникъ, при поступленіи своемъ на

приходъ, засталъ въ церковной суммѣ всего нѣсколько рублей, и съ ними—то приступилъ къ осуществленію мысли о новомъ храмѣ. Въ послѣдніе два года произведена постройка: зданіе оказалось прочнымъ, пространнымъ и благолѣпнымъ, и обошлось около десяти тысячъ руб. Въ составѣ этой суммы, кромѣ небольшаго пожертвованія отъ прихожанъ и разныхъ стороннихъ приношеній, наибольшая доля принадлежитъ тому же г. Сетгоферу и землевладѣльцу г. Бернардаки. Освященіе новаго храма происходило 25-го сентября, наканунѣ храмоваго праздника св. ап. Іоанна Богослова и совершено уѣзднымъ протоіереемъ обще съ мѣстнымъ благочиннымъ и четырьмя сосѣдними священниками, при многочисленномъ стеченіи народа изъ разныхъ мѣстъ, остававшагося до самаго окончанія Богослуженія, очевидно обнаруживая живое и благоговѣйное сочувствіе свое къ высокому, церковному празднеству. Были здѣсь, впрочемъ, и нѣкоторые представители высшаго класса, но только—на короткое время, предоставляя, так. обр., другимъ дѣло служенія церкви, какъ не особенно, будтобы, совпадающее съ ихъ прямыми стремленіями. При совершеніи Божественной литургіи учавствовалъ училищный хоръ пѣвчихъ; а предъ окончаніемъ оной однимъ изъ сослуживших произнесено было, приличное случаю, слово отомъ, почему необходимо пещись о храмѣ Божіемъ.

Такъ-то пастырскіе труды, казавшіеся въ началѣ неодолимыми, увѣнчались успѣхомъ! Дай Богъ, чтобы пастырская дѣятельность наша, такъ ярко освѣтившая далекій и скромный уголокъ нашего населенія, всегда и вездѣ бодрственно преуспѣвала ко благу св. вѣры нашей, церкви и общества, препобѣждая неизбѣжныя трудности, лежащія на пути къ достиженію ея высокихъ и благотворныхъ цѣлей.

СЛОВО

Въ день освященія храма въ с. Елисаветкѣ, 25 сентября, 1866 года.

„Едино просихъ отъ Господа, то взыщу: еже жити ми въ дому Господни вся дни живота моего и посѣщати храмъ святый Его; день единъ во дворѣхъ твоихъ, Господи, паче тысящь".

Произнесшій эти достопамятныя слова, св. пророкъ и царь Давидъ, былъ, какъ царь, весьма могуществененъ, богатъ и славенъ. Для него, значитъ, была полная возможность желать весьма многаго, что для прочихъ людей было совершенно недоступно; однако онъ остановился на одномъ только желаніи,—повидимому, самомъ простомъ желаніи, не завлекательномъ. Одного только,—говоритъ онъ,—я бы просилъ отъ Господа, чтобы всегда жить въ дому Господнемъ и посѣщать св. храмъ Его;—почему же?—потому, добавляетъ онъ, что и одинъ таковой день лучше тысячь.—Впослѣдствіи, многочисленные сонмы св. подвижниковъ христіанскихъ всегда пренебрѣгали всякими личными и имущественными видами, даже претерпѣвали тяжкія гоненія и самую смерть, чтобы только служить вѣрѣ и церкви. Наши доблестные предки—русскіе съ такой же ревностію относились къ церковному дѣлу: цари, подданные нещадили

для него своихъ достатковъ, трудовъ и жертвъ. Наконецъ и наши современники глубоко сочувствуютъ этимъ святымъ стремленіямъ предковъ и имъ слѣдуютъ по возможности.

Отъ чего же, бр., происходитъ эта неизмѣнная и ревностная привязанность къ церкви?

Подумайте,—есть ли, и можетъ ли быть, кромѣ церкви, другое какое либо мѣсто въ мірѣ, гдѣ бы можно было найти полное и существенное удовлетвореніе духовнымъ нуждамъ человѣка? Въ круговоротѣ земной суеты, среди шума роскоши и подъ тяжелымъ гнетомъ лишеній, одинаково неизбѣжно раздается въ человѣкѣ внутренній голосъ не отступно и ропотливо требующій разрѣшенія вопросовъ: откуда, кто и для чего—я?! И нѣтъ отвѣта этому голосу нигдѣ; только здѣсь—въ храмѣ Божіемъ, въ его православномъ ученіи и священнодѣйствіи, загадочное бытіе человѣка получаетъ истинный смыслъ и освобождается отъ всякой опасности гибельныхъ вліяній, извращающихъ его прямое значеніе.

Раждается въ міръ слабый и безпомощный младенецъ;—православная церковь спѣшитъ къ нему на помощь: въ таинствахъ св. крещенія и миропомазанія очищаетъ его отъ прирожденнаго грѣха и укрѣпляетъ въ жизнь временную и вѣчную. Младенецъ подростаетъ, требуетъ воспитанія и ученія;—св. церковь, указывая родителямъ ихъ обязанности, предлагаетъ и то истинное, неизмѣнное ученіе, которое образуетъ въ человѣческой личности—добраго христіанина, честнаго семьянина и полезнаго гражданина. Наступаетъ пора зрѣлаго возраста:—св. церковь, отклоняя гнусности бѣдствія

разврата, обезпечиваетъ чистоту брачнаго союза. Засимъ человѣкъ вступаетъ уже въ открытую дверь жизни, преисполненной суеты, тревогъ, злоключеній, вызывающихъ на тяжелую борьбу. Гнетъ этой борьбы чаще всего человѣку не подъ—силу: онъ изнемогаетъ и падаетъ физически и нравственно; но и здѣсь св. церковь простираетъ къ нему свои материнскія объятья. Она призываетъ помощь свыше на страждущую душу, вливаетъ въ нее новую силу посредствомъ св. таинствъ покаянія и причащенія Божеств. тѣла и крови Христовой, ободряетъ и направляетъ снова на истинный путь. Но вотъ силы человѣка окончательно изломаны: онъ больной, умирающій. При одрѣ и гробѣ человѣка, если и есть какое либо стороннее соучастіе, то оно —слабо и здѣсь же кончается; одна св. церковь сопутствуетъ ему своими благодатными таинствами и молитвами предъ гробомъ, при гробѣ и загробомъ.—Так. обр. нѣтъ въ судьбѣ человѣка такого положенія, которому не нашлось бы соотвѣственной помощи подъ сѣнію храма Божія, и никакая другая помощь не можетъ быть такъ дѣйствительна и благоплодна.

Вотъ, бр., почему, какъ мы сказали выше, и лучшій представитель закона ветхозавѣтнаго и лучшіе последователи новозавѣтной, Христовой вѣры чтили св. храмы Божіи и пеклись объ нихъ! Отсюда же понятно, почему и настоящее наше празнество, переполняетъ душу чувствами отрады и умиленія.

И мы довершаемъ нынѣ успѣхъ лучшаго изъ дѣлъ человѣческихъ. Среди вашего населенія, бр., вмѣсто прежняго—ветхаго, тѣснаго и убогаго, величественно возвышается нынѣ новый, благолѣпный и пространный храмъ Божій. При скудныхъ средствахъ вашихъ, казалось, невозможно

было рѣшаться на такое великое предпріятіе, тѣмъ болѣе—ожидать скораго его, осуществленія; но у Бога вся возможна. Его-то премудрая благость дала вамъ и силы и средства совершить то, на что, казалось, у васъ не было силъ и средствъ.

Возблагодарите же, бр., прихожане храма сего, всеблагаго Создателя за оказанное великое благоволеніе Его къ вамъ. Воздадите должное и благотворителямъ: сохраните имена ихъ на всегда въ благодарной и молитвенной памяти, и особенно—имя здѣшняго досточтимаго владѣльца и одного изъ его благородныхъ сотрудниковъ, извѣстнаго уже вамъ по его прежнему благодѣянію—построенію училища; такъ же—и своего пастыря, ревностно и неусыпно блюдущаго ваше временное и вѣчное благо. Продолжайте нелѣностно посѣщать ново-созданный храмъ,—вслушиваться въ преподающееся въ немъ ученіе и священнодѣйствіе и по нимъ направлять свою жизнь, искореняя въ ней грѣховныя и зловредныя наклонности и привычки. Богъ же Своею благодатію и человѣколюбіемъ, по подобію того, какъ устроенъ этотъ рукотворенный храмъ, да поможетъ вамъ устроить и благолѣпно украсить христіанскими добродѣтелями и вашу внутреннюю храмину—душу вашу—къ благополучному житію вашему въ настоящей, и къ спасенію въ будущей жизни. Аминь.

Свящ. Кипріянъ Петрушевскій.

Торжество совершившагося муропомазанія Высоконареченной Невѣсты Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, Ея Королевскаго Высочества Маріи Софіи-Фридерики-Дагмаръ, Принцессы Датской.

„Вступленіе Августѣйшей Невѣсты Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Александра Александровича въ лоно православной церкви освящено сегодня.

„Это религіозное торжество совершилось въ церкви Зимняго дворца, согласно съ сообщеннымъ уже церемоніяломъ.

„Въ девять часовъ утра обширныя залы дворца начали уже наполняться, а дамы, не назначенныя офиціяльно для нахожденія на пути Императорскаго шествія, или для участія въ немъ, занимали всѣ хоры, образуя сверху обширныхъ залъ длинную, разноцвѣтную гирлянду.

„Вскорѣ дамы, имѣющія пріѣздъ ко Двору, становясь лицомъ къ окнамъ, образовали длинный рядъ, простиравшійся изъ конца въ конецъ длинной Гербовой залы. На всѣхъ ихъ былъ придворный, русскій національный нарядъ: кокошникъ на головѣ и платье со шлейфомъ: наряды ихъ были подобны другъ другу по формѣ, но разнообразны оттѣнками цвѣтовъ: всѣ они были изящны или роскошны, а многіе—изящны и вмѣстѣ роскошны.

„На противоположной сторонѣ залы тянулся другой рядъ, состоявшій изъ предводителей дворянства, дворянъ и гражданскихъ чиновниковъ разныхъ управленій.

„Въ Фельдмаршалской залѣ помѣщалось именитое купечество, русское и иностранное.

„Особы имѣющія пріѣздъ за кавалергардовъ, находились въ концертной залѣ.

„Офицеры всѣхъ чиновъ гвардіи, арміи и флота были собраны въ Николаевской залѣ и авансъ-залѣ.

„Члены святѣйшаго синода находились въ алтарѣ церкви; въ самой же церкви занимали мѣста члены государственнаго совѣта и баронъ Плессенъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ его величества короля датскаго.

„Въ залѣ предъ церковью были разставлены дворцовые гренадеры.

„Въ началѣ одинадцатаго часа, министръ Императорскаго Двора донесъ Его Величеству, что все готово, и Императорская Фамилія имѣла выходъ изъ внутреннихъ покоевъ въ церковь. Шествіе слѣдовало въ указанномъ по церемоніалу порядкѣ.

„При входѣ въ церковь, Ихъ Императорскія Величества были встрѣчены духовенствомъ.

„Государь Императоръ взялъ за руку Ея Королевское Высочество Принцессу Марію-Дагмаръ, и подвелъ Ее къ митрополиту.

„Ея Королевское Высочество прочитала предложенныя Ей правила и молитвы по уставу.

„Затѣмъ, вмѣстѣ съ митрополитомъ, Принцесса вступила въ церковь, и священнодѣйствіе продолжалось. За нимъ послѣдовала божественная литургія.

„Сопровождаемая Ея Величествомъ Государыней Императрицей, Благовѣрная Княжна, уже сопричисленная къ православной церкви, помазанная святымъ муромъ съ крестомъ на груди, возлагаемымъ при крещеніи, поклонилась святымъ иконамъ и причастилась святыхъ таинъ.

„Литургія кончилась въ полдень.

„Августѣйшія Особы возвратились во внутренніе покои, пройдя снова предъ многолюднымъ собраніемъ, которому только соблюдавшійся порядокъ и огромное пространство, на какомъ оно было размѣщено, не позволяло обратиться въ толпу.

„Мы не можемъ прибавить никакихъ подробностей къ тѣмъ, которыя показаны въ церемоніялѣ; нельзя передать словами блескъ нарядовъ, богатство мундировъ, видъ этихъ великолѣпныхъ залъ, медленно пройденныхъ блестящихъ шествіемъ, которое сопровождало Императорскую Фамилію, напутствовавшую къ первымъ таинствамъ новой вѣры молодую Принцессу, окруженную, среди всеобщаго благоговѣйнаго уваженія, столь единодушнымъ и живымъ сочуствіемъ. Невозможно также выразить тихое, но глубокое умиленіе, наполнившее всѣ сердца, когда, въ преддверіи храма, возвысился ясный и твердый голосъ Ея Королевскаго Высочества, подтверждавшій Ея волю пребыть вѣрною ученію принимаемой Ею религіи.

Въ эту торжественную минуту было однакоже нѣчто, поколебавшее благоговѣйное вниманіе, съ какимъ присутствовавшіе слѣдили за совершавшимся священнодѣйствіемъ: чистота, съ какою будущая Цесаревна произноситъ русскую рѣчь, возбудила впечатлѣніе, быстро

переданное присутствовавшими лицами тѣмъ, которые, оставаясь въ сосѣднихъ залахъ, не могли слышать. То же впечатлѣніе повторилось, когда передъ святымъ причащеніемъ Ея Королевское Высочество опять громко произнесла молитву по чиноположенію.

„Принцесса Марія-Дагмаръ была въ бѣломъ атласномъ со шлейфомъ платьѣ, обшитомъ лебяжьимъ пухомъ; у нея не было ни покрывала на головѣ и никакихъ украшеній. Въ скромной простотѣ своей, сіяя лишь тѣмъ блескомъ, какимъ озаряетъ Ея особу прелесть Ея и молодость, новая Дочь православной церкви приступила къ алтарю, откуда всемогущій Господь, внявъ единодушнымъ мольбамъ призывающаго Его народа, ниспошлетъ на Нее Свои неистощимыя благословенія.

„Послѣ святой литургіи, когда Ихъ Императорскія Величества, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Благовѣрная Княжна Марія Ѳедоровна принимали въ церкви поздравленія высшаго духовенства, Государь Императоръ приказалъ призвать священника, преподававшаго Принцессѣ ученіе вѣры и въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ изволилъ благодарить его за ту заботливость, какую его высокій умъ приложилъ къ этому преподаванію.

„Императорская Фамилія возвратилась во внутренніе покои, присутствовавшіе разъѣхались, и толпа стоявшая все это время предъ дворцомъ, медленно разошлась, не разъ повторяя замѣчаніе, приходящее каждому на умъ, что при всѣхъ празднествахъ и церемоніяхъ, происходящихъ со времени прибытія Августѣйшей Невѣсты, неизмѣнно стоитъ необыкновенно хорошая пого-

да. Сегодня опять сіяло яркое солнце. Во всѣхъ странахъ воображеніе массъ любитъ останавливаться на предзнаменованіяхъ, и сегодня каждый опять съ радостью привѣтствовалъ чистое и свѣтлое небо, какое ниспослалъ намъ Богъ."

(Journal de S. Pétersbourg).

ИЗВѢСТІЕ.

—Во вторникъ, 25-го октября, по случаю благополучно совершившагося обрученія Его Императорскаго Высочества, Государя Наслѣдника Цесаревича, Великаго Князя Александра Александровича съ дочерью Короля Датскаго Принцессою Маріею-Дагмаръ,—нареченною при св. миропомазаніи Великой Княжной Маріей Ѳедоровной, и 28-го октября, въ день бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Высочествъ,—въ кіевософійскомъ каѳедральномъ соборѣ, при собраніи военныхъ и гражданскихъ чиновъ г. Кіева и многочисленномъ стеченіи народа, высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ, совершена божественная литургія соборнѣ, съ благодарственнымъ Господу Богу молебствіемъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ

ДУХОВНАГО ЖУРНАЛА

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ

въ 1867 году.

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ, издающійся при казанской духовной академіи, по распоряженію святѣйшаго Сунода, въ 1855 года, и выходившій въ первые три года (1855, 1856, 1857) повременно въ четырехъ книжкахъ, а съ 1858 года выходящій ежемѣсячно—по двѣнадцати книжекъ въ годъ, въ слѣдующемъ 1867 году будетъ издаваться по прежней программѣ, въ строго-православномъ духѣ и въ ученомъ направленіи, съ 1-го января, *ежемѣсячно*, книжками, не менѣе 10 печатныхъ листовъ въ каждой.

Цѣна за полное годовое изданіе ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА на 1867 годъ, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: *въ Казани съ доставкою на домъ, и съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи*—

СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

Подписка принимается *въ Казани въ редакціи Православнаго Собесѣдника при духовной академіи.*

Въ тойже редакціи продаются

ПО ПОНИЖЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ

и съ пересылкою:

А. ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ *въ полномъ составѣ* книжекъ: за 1855, 1856 и 1857 годы (по 4 книги въ каждомъ) по 3 руб., за 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863 и 1864 годы (по 12 книгъ) по 7 руб. сер.

Б. *Отдѣльно* отъ приложеній:

1. ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ за 1855 г. (гдѣ между прочимъ, статья: „день святой жизни.)" Одинъ томъ. Цѣна 1 руб. 50 коп.

2. ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ за 1856 г. Одинъ томъ. Цѣна 1 руб. 50 коп.

3. ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ за 1857 г. (гдѣ между прочимъ, „молитвы на всю седмицу св. Кирила, епископа туровскаго.)" Одинъ томъ, Цѣна 1 руб.

4. ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ за 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863 и 1864 годы по три тома въ каждомъ, по 4 руб. сер. за годъ

В. *Отдѣльно:* отъ ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА приложенія къ нему:

1. ПОСЛАНІЯ СВ. ИГНАТІЯ БОГОНОСЦА (съ свѣдѣніями о немъ и его посланіяхъ.) Одинъ томъ. 1855. Цѣна 1 руб.

2. БЛАГОВѢСТНИКЪ, или толкованіе блаженнаго Ѳеофилакта, архіепископа болгарскаго, на св. евангелія—Матѳея и Марка (съ предисловіемъ). Два тома. 1855—1857. Цѣна 3 руб. за оба тома.

3. СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ГРИГОРІЯ ДВОЕСЛОВА Собесѣдованія о жизни италійскихъ отцевъ и о

безсмертіи души (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1858. Цѣна 1 руб. 50 коп.

4. ДѢЯНІЯ ВСЕЛЕНСКИХЪ СОБОРОВЪ. Три тома. 1859—1864. Цѣна за первый томъ 4 руб., за второй 2 руб 50 коп., за третій 3 руб. 50 коп., за всѣ три тома 10 руб.

5. ПОСЛАНІЯ ИГНАТІЯ митрополита сибирскаго и тобольскаго (съ предварительными замѣчаніями). Одинъ томъ. 1855. Цѣна 75 коп.

6. ПРОСВѢТИТЕЛЬ ИЛИ ОБЛИЧЕНІЕ ЕРЕСИ ЖИДОВСТВУЮЩИХЪ. Твореніе преподобнаго отца нашего Іосифа, игумена волоцкаго (съ обширнымъ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1855—1857. Цѣна 2 руб. 50 коп.

7. СОЧИНЕНІЯ ПРЕПОДОБНАГО МАКСИМА ГРЕКА (съ предисловіемъ). Три тома. 1859—1862. Цѣна за первый томъ (съ портретомъ преп. Максима) 2 руб. 50 коп., за второй 1 руб. 50 коп., за третій 1 руб., за всѣ три тома 5 руб.

8. СТОГЛАВЪ (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1862. Цѣна 2 руб. 50 коп.

9. СОЧИНЕНІЯ ИНОКА ЗИНОВІЯ: Истины показаніе къ вопросившихъ о новомъ ученіи (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1863—1864. Цѣна 4 руб.

10. О ПРИЧИНАХЪ РАЗДѢЛЕНІЯ ГЛАВНЫХЪ РАСКОЛЬНИЧЕСКИХЪ СЕКТЪ (поповщины и безпоповщины) намногіе мелкіе толки. Одинъ томъ. 1857. Цѣна 1 руб.

11. ПОРТРЕТЪ ПАТРІАРХА ВСЕРОССІЙСКАГО ІОАКИМА. Цѣна 20 коп.

12. УКАЗАТЕЛЬ статей, помѣщенныхъ въ „православномъ Собесѣдникѣ“ съ 1855 по 1864 годъ. Цѣна 30 к.

Примѣчаніе. Редакція тѣмъ изъ подписчиковъ, которые выпишутъ, *прямо отъ нея*, вдругъ не менѣе 10 полныхъ годовыхъ экземпляровъ ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА, за 1865, 1866 и 1867 годы, дѣлаетъ уступку противъ объявленной цѣны по 1 рублю съ каждаго экземпляровъ 10 руб., съ 11 экз. 11 руб. и т.д).

Редакція ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА проситъ желающихъ выписывать означенныя въ семъ объявленіи изданія ея—обращаться съ своими требованіями *прямо* въ эту редакцію, съ приложеніемъ за нихъ денегъ по вышеозначеннымъ цѣнамъ, и прописывать свои адресы ясно и точно.

Поправка. Въ статьѣ: *объ открытіи при кіев. семинаріи класса педагогики и воскресной школы,* помѣщенной въ предыдущемъ (20) № Кіев. Епар. Вѣдомостей, допущена ошибка; именно: на стр, 622. вмѣсто словъ: съ оставленнымъ *за нимъ* его прежняго предмета преподаванія, слѣдовало напечатать: съ оставленіемъ его прежняго предмета, что даетъ совершенно противоположный смыслъ.

Ред.

Печ. дозв. 30 октября. Кіевъ 1866 г. Цензоръ *Н. Щеголевъ.*
Въ типографіи **Федорова.**